

Секция «Журналистика»

Особенности поэтики Юрия Визбора
Кадочникова Софья Андреевна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия
E-mail: sof.kado@gmail.com

Среди представителей «шестидесятнической» бардовской песни принято выделять лидерскую триаду: А.А.Галич, В.С.Высоцкий и Б.Ш.Окуджава. В последние годы к ним вплотную приблизился Ю.И.Визбор. Об этом свидетельствуют ежегодные концерты, посвященные его памяти, а также выход о нем книги серии «Жизнь замечательных людей», написанной А.В.Кулагиным.

Вместе с тем, сама принадлежность Визбора к стану поэтов порой вызывает сомнение.

Однако мы видим его как поэта со своим нестандартным путем. Причастность его к литературе подтверждается тремя особенностями: наличием явного и четкого образа автора, изопренной интертекстуальностью и собственно словесным мастерством.

Автор песен и исполнитель, Визбор, безусловно, является значимым явлением синтетического искусства: в своих песнях он сам утверждает, что важно всегда собирать вместе всех «сторонников – рифмы, кисти и мелодии – за крошечным столом» для полноценной жизни. И в контексте его стихотворений это не просто бытовая идиллия, а творческая стратегия.

В своей статье «Шестидесятники и мы» Лев Аннинский точно и афористично об этом сказал: «Пока же Визбор идет «как Визбор» – все правда». В его поэзии критик усматривает «пушкинскую простоту» отношения ко всему по-свойски, даже к самым традиционно возвышаемым вещам. «Шестидесятник чистый: «студент», романтик, что-то летящее в нем, воздушно, и ирония – наша...», – заключает Л.Аннинский.

При этом творчество Ю.И.Визбора синтетично не только в смысле сочетания музыки, поэзии и исполнительства, но и по своему содержанию. Оно перекликается и с лиричностью Окуджавы, и с ироничностью Галича, и с тематическим разнообразием Высоцкого, и со звукописью Городницкого, и с эмоциональностью Анчарова. Культурная восприимчивость помогла Визбору создать неповторимый образ мира, который сочетает в себе все лучшее от искусства его времени. Не случайно современная молодежь из всех «шестидесятников» особенно остро воспринимает именно его произведения.

Интертекстуальность в его творчестве многолика: есть и цитации, и пересказ, и фоновые ссылки. Показательны песни «Спутники» и «Письмо», посвященное Владимиру Высоцкому. В первом случае он рассказывает о повлиявших на него и близких ему по духу художниках; это, на первый взгляд своего рода акмеистическое стихотворное повествование. Но далее мы обнаруживаем, что рассказ о поездке героя приобретает мотивы чуть ли не стерновского сентиментального путешествия: «Заезжали в Левитана мы, в октябре его пожухлые, направлялись мы к Волошину, запряжались, как могли». А загадочная спутница героя становится Прекрасной Дамой, хоть и не в карете, а на машине «Жигули». Здесь автор в канву путевых заметок умело вплетает имена близких

ему по духу деятелей искусства, обращаясь с ними по-свойски: от «барда Пушкина» до окружающей его природы «прекрасного Чюрлениса, иногда – Остроухова».

«Письмо», на наш взгляд, является произведением, наиболее насыщенным цитациями. «Вот мельница – она уж развалилась», «откроет печку Гоголь чугунной кочергой – и свет огня блеснет в пенсне Фагота», не обошлось и без характерного для Визбора отношения к классике: «... как говорил однажды датчанин молодой, была, мол, не была – а там посмотрим». И афористичное заключение, ставшее пророчеством: «Теперь никто не хочет хотя бы умереть, лишь для того, чтоб вышел первый сборник», органично вписывается в поэтический текст эпистолярного жанра.

Исследователь Наталья Фатеева считает, что читательская интертекстуальная активность мобилизуется тогда, когда воспринимающий не в состоянии понять текст только лишь на образном или орфографическом и согласовательном уровне. Тогда приходится искать источник «выбивающегося из правил» языкового выражения не в системе языка, а в сфере «индивидуально сотворенного смысла», уже отлитого в форму претекста. Так, трудноугадываемый, на первый взгляд, фон прослеживается в песне «Леди»: «Одиночество шлялось за мной и в волнистых витринах отражалось печальной фигурой в потертом плаще. За фигурой по мокрым асфальтам катились машины – абсолютно пустые, без всяких шоферов вообще». Здесь фигура может быть кем угодно: от убитого Командора до Понтия Пилата; а пугающие автомобили оказались впечатлением от газетной статьи о новых технологиях, прочитанной когда-то автором.

«До свиданья, дорогой мой, до свиданья! К сожаленью, нам с тобой не по пути. Расставанье переходит в расстоянье. До свиданья, дорогой мой, не грусти», – это чрезвычайно похоже на последнее стихотворения Сергея Есенина, однако лишено надрыва, да и контекст у Визбора все же другой.

К стихотворным текстам Юрия Визбора применимы такие понятия Тынянова как единство и теснота стихового ряда, а также динамизация речевого материала. «Закат, задуваемый ветром», «заплачет ночь дискантом», «белый снег падет с небес десантом», «ржавый ломкий лист зацепит за Луну»... Визбор всегда виден и узнаваем в своих текстах – и по стилю, и по мастерству, и по образности, поэтика его творчества своеобразна и самобытна. Его песни вызывают искренние человеческие чувства: сопереживание герою, жалость и понимание, а главное – безграничное доверие. И всегда «спасает нас в ночи от позорного безверья колокольчик под дугой – одинокий гитарист».

Литература

1. Аннинский Л.А. Шестидесятники и мы: кинематограф, ставший и не ставший историей. М., 1991.
2. Визбор Ю. И. Синий перекресток. М., 2009.
3. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965.
4. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007.
5. Бахмач В.И. Особенности стихопесен Ю.И.Визбора // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № 22 (233), Луганск, 2011.